

Юрий
НАГИБИН:

ВЛАДЕТЬ СВОИМ РЕМЕСЛОМ

Юрий Нагибин — признанный мастер рассказа. Автор сценариев фильмов, которые стали хрестоматийными: «Председатель», «Бабье царство», «Чайковский», «Дерсу Узала». Писатель, который пронзительно и остро помог нам пережить встречу с юностью поколения 30-х годов в своих «Чистых прудах» и «Книге детства». Сегодня он наш собеседник.

— ПОЧЕМУ Кальман? Юрий Маркович, как там: «Красотки, красотки, красотки кабаре...» Не слишком ли легковесно?

— Позвольте, а что вы, собственно, знаете о человеке, которого звали Имре Кальман? Когда он, например, жил? В пятнадцатом веке? Отнюдь нет. Он был нашим современником и умер в 1953 году. Шостакович считал Кальмана гением.

Так началась наша беседа с Юрием Нагибиным в санатории «Узкое», где он отдыхает.

...В переплете окна уголок старинного парка. Ветер раскачивает ветки голого клена. Снег падает тихо и неспешно. Не верится, что в двух километрах отсюда грохот шоссе, света новых московских микрорайонов. Наверное, отдыхать здесь хорошо и покойно. Но письменный стол у окна говорит о работе. Верстаки книги, правленные гранки статьи для журнала и чистые белые листы. К вечеру они должны превратиться в обычную нагибинскую «норму» — два листа текста на машинке. К столу он садится, когда герои распределяли свои роли и придумали сюжет во время его долгих и одиноких прогулок. Пишет ручкой. По этому поводу вспоминает слова Твардовского: «На писателе, который печатает свои произведения на машинке, надо ставить крест». Впрочем, тут же добавляет: «Правда, и ручка не всегда помогает». Машинка для него — это уже каллиграфия, переписывание набело. И так каждый день. Такова она, «сладкая» писательская жизнь. Все время, как говорит Наги-

бин, «мозги набекрень». Впрочем, вернемся к Имре Кальману. Он уже стал героем последней повести Нагибина, будет сниматься советско-венгерский фильм о нем по сценарию писателя. Кальман пустился в плавание отдельно от своего создателя.

Здесь, в комнате под высокими сводами в бывшем имении Трубецких, а ныне санатории Академии наук СССР, теперь поселился дух усатого и лихого «Юрки Голицына», который смотрит на меня со страницы старой библиотечной книги чуть иронично и загадочно. Бывший камергер двора и пропагандист, как сказали бы сегодня, русской народной песни, создатель удивительного хора крестьян, который поразил Париж, Вену, Нью-Йорк. Он познакомился в Лондоне с Гершеном, опубликовал несколько своих заметок в «Колоколе» и был сослан под надзор полиции в Козлов. Бродит в комнате под высокими сводами дух Юрки Голицына, но не оставляет ее и Имре Кальман. О Голицыне беседовать обстоятельно еще рано. И мы говорим о Кальмане.

— Итак, Юрий Маркович, мы, видимо, отправимся в Будапешт или в Вену?

— Отправимся мы в Венгрию, но не в Будапешт, а в город Печ. Меня пригласили на спектакль «Наездник дьявола». Это оперетта Кальмана, которую я раньше не слышал. Особые аплодисменты вызвала одна ария героя — шлягер спектакля. Представьте мое волнение, когда я узнал в ней мелодию, сопровождавшую мою юность.

Оказывается, это был Кальман. Мне вспомнилась военная Москва, квартира одноклассницы на Чистых прудах. Нас провожали на фронт. Мы выпили вина, танцевали и все время заводили почему-то пластинку «Образ один», чудесное танго в исполнении тенора Бадридзе. И вот через много лет вернулось ко мне это танго в Пече арией из оперетты Кальмана. Так я начал изучать биографию Имре Кальмана, стал исследовать этот сильный, даже героический характер.

— Героический? А вы не увеличиваете? Это все-таки не Егор Трубинов и не ваша Надежда Крыченкова из «Бабьего царства».

— Все эти люди творцы, сильные личности. Таким был и Имре Кальман. Как расценить, например, такой его поступок. «Чистой крови» родословная Кальманов не отличалась. Но Гитлер предложил присвоить знаменитому композитору звание «почетного арийца». На что маленький, немолодой, тучный человек ответил: «Я всегда считал себя венгром. Думал, как венгр, сочинял, как венгр, венграм и останусь».

Сделаю здесь небольшое отступление. Кальман был народным композитором, великим реформатором. Он впервые использовал в оперетте не традиционные ритмы плавного вальса, а ритмы огненного чардаша. Тогда Кальману недвусмысленно намекнули, что в Бухенвальд уже отправлен либреттист Легара. Кальман нашел в себе силы пошутить: «Вы думаете у нас получится? Мне давно не хватало хорошего либреттиста». Он спасся чудом.

— И все-таки музыка Кальмана имела и имеет успех. А таких эпизодов в жизни композитора было, наверное, очень мало. Так ли уж поучительна его жизнь?

— В этом характере замечательна обреченность человека своему дару. Все жизненные впечатления, даже самые трагические, рождали в нем подъемную радостную музыку. Начиная Кальман как композитор-симфонист. Имел успех. Но свой настоящий путь он нашел, обратившись к музыке легкой, романтической, веселой. Он сразу понял, что именно ее он должен дарить людям, хотя жизнь его мало способствовала возникновению оптимистических мелодий. Он рано узнал нужду, школьником вынужден был сам зарабатывать себе на жизнь. На деньги, накопленные при переписке нот, купил первый свой инструмент. Фашисты уничтожили его любимых сестер. У него была трудная, очень мучительная личная жизнь. Но, говорят, плачущего Кальмана видели один раз, когда ему сообщили, что первой кинокартиной, показанной в освобожденном, еще дымящемся Будапеште, была «Сильва», поставленная на Свердловской студии в дни войны.

— У вас некоторые герои — «несостоявшиеся» по традиционным меркам люди. А что значит, по вашему мнению, быть человеком состоявшимся?

— Мне не нравится само определение «состоявшийся человек», очевидно, вы имеете в виду нечто иное: человека, «преуспевающего» в жизни. Это разные вещи. Например, мой герой Борис Семенович Лунин, инвалид, мужчина-машинистка, провел лучшие годы своей жизни в четырех стенах, после него осталось всего несколько листочков записок. Остальное сожгла во время войны его полуграмотная соседка. Это реальный человек. Он написал всего несколько страниц, но зато настоящих. Он бескорыстно помогал другим, как же можно

говорить, что он не состоялся? Не люблю я героев расслабленных, не способных на поступок. Сейчас в литературе, особенно у молодых писателей, моден тип «рохли», заведомого неудачника. Чаще всего его не развешивают, напротив, он почему-то оказывается носителем высших моральных ценностей. Вот такие «герои» меня отталкивают.

— А как же быть с Гуциным — героем вашей повести «Срочно требуются седые человеческие волосы». Он не находит в себе силы уйти к любимой женщине от женщины, давно ставшей ему чужой.

— Гуцин отнюдь не слабый человек. Он просто чувствует себя ответственным за пережившую рядом жизнь. Уметь отвечать за близких людей — для этого нужен характер. Меня привлекают такие люди. Они не обязательно одерживают победы. Но иногда их поражения равны победе.

— По какому принципу вы выбираете героев для своих рассказов и повестей о художниках прошлого?

— Когда я пишу о таких людях, то прежде всего мне интересны герои, которые «недобрали» чего-то в жизни. Рахманинов был великим композитором, а большую часть жизни пожимал лавры только пианиста. Иннокентий Анненский, изумительный поэт, единственную вышедшую при его жизни книгу стихов подписал лаконично — «Никто». А реформатор русского стихосложения Тредиаковский? А судьба Велимира Хлебникова? Все это подвижники. Но вернемся к Кальману. Какое несоответствие трудной человеческой судьбы и солнечной пьянящей музыки. А ведь самая важная встреча с Кальманом произошла у меня во время войны, когда я был на фронте. Представьте себе Ленин-

град. Блокада. А в городе объявлено о премьере «Сильвы». Идут репетиции. Не все ладится. В оркестре все время не хватает голоса какого-то инструмента. Музыканты умирают от голода. И, наконец, премьера. Я в это время служил в политуправлении Волховского фронта, в отделе контрпропаганды. Мы решили сделать листовку для немецких солдат о премьере «Сильвы». И мы ее придумали. Листовка была не только пропуском для сдачи в плен, но и билетом на «Сильву» в Александринку, где тогда давал спектакли Ленинградский театр музыкальной комедии. Эту листовку я потом сбрасывал над немецкими окопами из бомбового люка самолета.

— Юрий Маркович, во имя чего вы столько раз воскрешали детство в своих книгах?

— Детство, на мой взгляд, самая важная пора человеческой жизни. А если сюда включить еще отрочество и раннюю юность, то, наверное, девяносто процентов, если не больше, нравственного состава человека образуется в эти годы. В каком прекрасном молодом мире ты живешь! Молоды родители, полны жизни дедушки и бабушки, товарищи — твои одноклассники. Огромное чувство ответственности за этот мир детства лежит на взрослых, в первую очередь на родителях. Мое детство было не избалованным. Большинство из нас жило в коммуналках, лыжный костюм являлся одеждой на все случаи жизни, в Большой театр бегали «на протырку».

Возможно, мы были серьезнее, что ли, может быть, потому, что и взрослые к нам относились серьезнее. Родители нами занимались, но не опекали мелочью, а стараясь воспитать в нас самостоятельность, трудолюбие. Сегодня многие от детей откупаются джинсами, магнитофоном, путевкой на солнечный юг. Это куда проще, чем заботливо и требовательно растить человека. Как будто счастье — это когда человека освобождают от обязанностей труда.

— В этой связи я задам вам традиционный вопрос, но он мне кажется в нашем разговоре важным: с кем из своих сверстников вы пошли бы в атаку?

— С любым из моих одноклассников. Рядом с ними меня не покидает чудесное чувство надежности, защищенности. Я вернулся в Москву в конце 42-го, после контузии. И тут же принялся разыскивать моих друзей. Их оказалось в городе не так-то много. Человек пять-шесть. Уже после Победы наша подруга Таня Ларикина взяла на себя нелегкий труд любви — собрать всех уцелевших «ветеранов», выпускников 1938 года! Это оказалось непросто. Война всех раскидала. С тех пор мы собираемся каждый год, иногда в бывшей нашей школе на Чистых прудах, иногда у кого-нибудь в доме. Нелегко передать очарование наших встреч. Мы редко предаемся воспоминаниям, мы просто рады друг другу.

И эти встречи — самые счастливые, что есть у меня.

— И эти встречи никогда не были для вас только данью традиции, «натяжкой»?

— Те немногие, для кого они были натяжкой, перестали ходить. Одного мы «отлучили» за неэтичный поступок по отношению к нашему товарищу. Остальные встречаются из года в год. Им это надо. Я не очень люблю публичные выступления, но если они случаются, всегда вижу в первом ряду моих школьных друзей: есть повод увидеться, одной встречи в году нам «мало». Надо ли говорить, что наша дружба до дна бескорытна? В ней нет ничего меркантильного, «вещного», делового. Мы ничего друг другу «не достаем». Меня угнетает ставшее для некоторых чуть ли не обязательным правило «баш на баш»: ты мне — абонемент на кинофестиваль, я тебе — покрывало для машины, ты мне — редкое лекарство, я тебе — путевку на Валдай. Но когда у нашей одноклассницы тяжело заболел муж, другая — врач, взяла отпуск и провела его у постели больного. Она вложила в уход за больным куда больше, нежели врачебный опыт.

— Какая из истин, усвоенных вами в юные годы, осталась одной из главных на всю жизнь?

— У нас в доме не принято было разводить сантименты. Со мной говорили, как со взрослым. Один раз моя мать, видя мое восхищение человеком внешне блестящим, но в сущности бесполезным, завела со мной разговор о профессионализме. Об этом человеке я потом написал рассказ. Он назван Володей Великолепным. Было мне тогда лет восемь, а моя мать не побоялась обсуждать со мной сложную и тонкую тему. Посмотрим, говорила моя мать, как серьезно Володя Великолепный пьет чай с лимоном, обсуждает качество заварки, закуривает и пускает кольца дыма, как он занят чепухой, пустяками. И как мало душевных сил тратит он на главное — свое дело. Израсходовал себя на жалкие поделки, а ведь он талантливый переводчик. Он ищет легкого труда и легкой жизни, не жалея дней, которые утекают у него сквозь пальцы. Он — «пустоцвет».

Чем бы ты ни занимался в жизни — будь профессионалом. Все остальное от лукавого, но это — в силах каждого человека. После я узнал, что Чайковский сравнивал себя с трудолюбивым сапожником, работающим от зари до зари. Таким был и Имре Кальман. Ремесленником в самом высоком цеховом смысле этого слова. Великое дело — владеть своим ремеслом. И мое писательское честолюбие не поднимается выше этого. Быть профессионалом!

...Покачиваются стволы огромных елей. Длинная прямая аллея соединяет и вместе с тем разделяет шумную Москву и этот чудом сохранившийся рядом уголок прошлого.

Прощаясь, Нагибин еще раз вспоминает Кальмана.

— Один очень серьезный музыковед был страстным поклонником Бахтога, Кальмана не признавал. Он тяжело заболел. В последние дни связью с внешним миром был для него только приемник в изголовье кровати. И вдруг однажды в минуту страданий раздалась по радио музыка Кальмана. Жена бросилась выключать приемник. Муж остановил ее. Он слушал музыку и улыбался. А потом сказал: «Жить надо с Бартоком, а умирать с Кальманом».

...Мне пора на службу. В городскую суету и толчею. У Нагибина работа — все это вокруг. И поле, и длинная еловая аллея. Вся жизнь своя и чужие тоже.

Наталья ТЮРИНА.